

О ПОНЯТИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УПК РОССИИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ

В статье автор широко раскрывает понятие доказательства по уголовному делу, анализирует проблемы и сущность состязательного уголовного процесса России в свете теории отражения.

Ключевые слова: доказательства, истина, очевидность, состязательность, теория отражения, цель доказывания.

In the article the author widely examines the concept of evidence in a criminal case, analyses the problems and the essence of the adversary criminal procedure of Russian in the light of the repulse theory.

Key words: evidence, truth, obviousness, adversary character, repulse theory, purpose of proof.

В основе теории доказательств в уголовном процессе должна лежать диалектико-материалистическая *теория познания* (гносеология), исходящая из принципиальной познаваемости окружающего нас мира, и неразрывно с ней связанная *теория отражения*, согласно которой человек отражает своими органами чувств и мышлением независимо от него существующий окружающий внешний мир, реальную действительность. И неодушевленные предметы, вещи также по-своему отражают окружающую среду.

Если есть какой-то объект, то всегда есть и то, что его отражает. «Вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением — свойством отражения» [1, с. 91]. «Наши ощущения, наше сознание есть лишь образ внешнего мира, и понятно само собою, что отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего» [1, с. 66]. В этом основа объективности наших восприятий.

Следы отражения определенного деяния остаются, фиксируются в памяти очевидцев и на предметах (вещественных доказательствах).

Ощущения — это субъективный образ объективного мира [1, с. 132, 34]. И доказательства как результат процесса отражения субъективны по своей форме, но объективны по содержанию. Формы бытия мышление никогда не может почерпнуть и выводить из себя самого, а только из внешнего мира...

«Материализм — признание «объектов в себе» или вне ума; идеи и ощущения — копии или отражения этих объектов. Противоположное учение (идеализм): объекты не существуют «вне ума»; объекты суть «комбинации ощущений». «Для идеализма нет объекта без субъекта, а для материализма объект существует независимо от субъекта, отражаемый более или менее правильно в его сознании» [1, с. 18, 81].

Доказательства по уголовному делу должны быть объективны по своей природе, поскольку отражают внешний мир, они «фактические данные», или данные о фактах объективной реальности. Но вот иное мнение на этот счет. С. А. Пашин пишет, что термин «фактические данные» некоторые процессуалисты склонны заменять словом «сведения». Таким образом, доказательства становятся объектом, помещенным в сознание: ведь сведений, данных, информации не существует помимо воспринимающего и транслирующего субъекта. Содержание информации, циркулирующей в ходе уголовного судопроизводства, зависит от позиции извлекающего ее участника процесса. Должно быть опровергнуто странное заблуждение, будто сведения не создаются людьми в собственных целях, а «содержатся» в установленном законом источнике [2, с. 315—316]. Как видим, при таком понимании природы доказательств им отказывается в объективности по своему содержанию. Здесь «сведения» (т. е. доказательства) «создаются людьми в собственных целях». Вопреки принципу отражения здесь объект

отождествляется с субъектом.

Статья 74 УПК РФ определяет доказательства по уголовному делу как *любые сведения*, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном законом порядке устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Понятие доказательств как «любых сведений» несколько неопределенно, поскольку в нем не проводится различие между «сведениями», которые являются «фактическими сведениями», объективными «фактическими данными» о реальной действительности и «сведениями», которые не являются «фактическими сведениями», «фактическими данными» о реальной действительности, которые образуются не в результате отражения окружающего объективного мира, а являются плодом сознания, фантазии, воображения человека и которыми как бы подчеркивается субъективный характер человеческих знаний, а не объективный. Иными словами, неопределенностью понятия доказательств как «любых сведений» не проводится необходимое четкое различие между действительно *объективной* информацией и *субъективным* мнением, усмотрением, вымыслом, кажущимся правдоподобием, «отсебятиной» и т. п. Однако доказательства должны доказывать то, что имело место в действительности, а не мнимое, кажущееся, воображаемое.

С точки зрения принципа отражения доказательства — это не «любые сведения», а только те «сведения-следы», которые образуются в результате процесса отражения, т. е. «сведения о фактах» объективной реальности. Человеческое сознание, мышление в состоянии постигать не только явления, но и проникать в суть вещей. С точки зрения диалектико-материалистической теории познания не существует непреходимой грани между явлением и сущностью вещей; не существует кантовской непознаваемой «вещи-в-себе» — мир познаваем. Познавательный

процесс осуществляется диалектически: от незнания к знанию, от следствия к причине, от версии к истине, от вероятности к достоверности. Нераскрываемых преступлений не бывает, есть сыщики, следователи, которым это не удалось. Поскольку познание представляет собой отражение нашим сознанием объективной действительности, то истинным знанием является такое, которое правильно отражает эту действительность. Применительно к уголовному процессу — это всестороннее и полное соответствие действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах дела, виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности [3, с. 116].

Если доказательства — адекватное отражение действительности, то, стало быть, только с помощью доказательств может устанавливаться то, что имело место в действительности. И наоборот, то, что достоверно устанавливает события (деяния) реальной действительности (фактические обстоятельства уголовного дела), должно быть результатом адекватного отражения объективной реальности, т. е. «фактическими данными» («сведениями о фактах»). Только тогда доказательства действительно доказательственны.

Приведем образец подхода с позиции принципа отражения. Так, Л. М. Карнеева исходит из того, что при проверке версий особенно важное значение приобретает соблюдение требований полноты, объективности и всесторонности. Чтобы желаемое не было принято за действительное, следует помнить, что понятия «очевидность» и «истина» не всегда совпадают. Уметь преодолеть невольную тенденцию гнаться за очевидностью, искать за этой очевидностью другие возможные решения — одно из необходимых условий достижения истины по уголовному делу. Самая опасная ошибка — игнорирование данных, находящихся в явном противоречии с выдвинутой версией, и, напротив, неправильное определение относимости данных, которые, по мнению субъекта доказывания, подкрепляют

выдвинутую им версию. Известен случай, когда следователь приобщил к материалам дела об убийстве рисунок вышивки дамской кофты болгарским крестом, решив, что это не что иное, как план пути к месту захоронения трупа, составленный преступником [4, с. 139—140].

Как отмечалось, в основе принципа *отражения* лежит необходимость четкого отличия субъекта от объекта (объект существует независимо от субъекта, их нельзя отождествлять). Субъект способен достоверно познать объект с помощью доказательств (доказательственной информации).

Совсем противоположный смысл (а значит, отрицание принципа отражения, отрицание объективной истины) лежит в юридической концепции *«ситуационного подхода»*. Ее сторонник В. В. Никитаев исходит из того, что *«ситуация — это единство сознания и реальности, которое существует до всякого разделения на объект и субъект»* [5, с. 295].

Как видим, В. В. Никитаев отождествляет сознание с реальностью, объект с субъектом, субъективное с объективным. «Всякая ситуация, — по его мнению, — является *чьей-то* ситуацией, т. е. имеет своего *субъекта*, но этот субъект не противостоит ситуации как объекту, а, наоборот, служит ее носителем, как бы держит ее на себе своим сознанием и своими действиями... . Таким образом, своя ситуация у защиты, своя ситуация у обвинения и своя ситуация у судьи.... Из свойств ситуации следует, между прочим, и то, что с таким трудом постулируется юридически, а именно: не может быть единственно правильного приговора; разные составы суда присяжных — это разные ситуации для одного и того же дела» [5, с. 296]. Таким образом, вместо объективной истины — «плюрализм истин» (у каждого своя истина, свое мнение). Но в отличие от Януса истина не может быть многоликой. Объективная истина одна. Не может быть множества истин об одном и том же.

Как логический вывод из концепции *«ситуационного подхода»* важно и актуально следующее суждение В. В. Никитаева: «И доказыванию подлежит, разумеется, не «фактическая сторона», но обвинение, т. е.

утверждение о том, что событие преступления имело место, деяние совершил подсудимый, подсудимый правосубъектен, подсудимый виновен... » [5, с. 297].

Эта характерная позиция имеет самое непосредственное отношение к действующему либеральному УПК РФ, выражает подлинную концептуальную сущность состязательного уголовного процесса, отказавшегося от объективной истины, в котором все сводится к состязанию сторон (состязательность самодостаточна, а объективная истина не нужна), где процессуальная форма самоценна и имеет приоритет над реальным содержанием, когда форма идеализируется, содержание, по сути, отождествляется с формой, где процессуальная форма формализуется и тяготеет к формальной, процессуальной истине.

Действительно, состязательному процессу свойственна не объективная (материальная) истина, а юридическая; вместо требования безусловного установления фактов такими, какие они есть, действует «принцип доказанности обвинения» [6, с. 75—76].

Как видим, важна формальная юридическая доказанность сама по себе, а соответствует ли «доказанное» реальной действительности — такой вопрос не ставится.

В настоящее время суд при постановлении приговора не разрешает вопросы *факта*: 1) имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) совершил ли это деяние подсудимый, а решает вопросы *формы* (формальной юридической доказанности): 1) доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый (ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

Состязательный УПК РФ не выдерживает критики с позиции принципа отражения, поскольку в нем не проводится четкое отличие между противоположностями: субъектом и объектом, субъективным и объективным, формой и содержанием, «фактическими данными» и «не фактическими данными», формальной (процессуальной) истиной и объективной истиной. Тогда как только при твердом, четком, принципиальном отличии

субъекта от объекта возможна постановка вопроса о принципе отражения и об объективной истине в уголовном процессе.

При опоре на принцип отражения, на основе которого к доказательствам могут быть отнесены только «фактические данные» («сведения о фактах»), целью доказывания может быть только объективная истина, а не вероятная, не субъективная, не юридическая (процессуальная, формальная) истина. «Цель доказывания — достижение объективной истины, содержанием которой являются фактические обстоятельства, характеризующие расследуемое событие, т. е. объективная реальность, а не субъективное представление о ней» [3, с. 117].

Объективная истина — это наличие в человеческих представлениях, знаниях такого содержания, которое не зависит от субъекта — ни от человека, ни от человечества [1, с. 123]. Доказательства должны соответствовать, быть адекватными этой цели, т. е. должны содержать в себе объективность. Без объективной истины нет объективных доказательств. Вне их нет объективной истины. Достоверные выводы могут базироваться только на достоверных основаниях.

И здесь нельзя не заметить диалектическую взаимосвязь между целью доказывания и доказательствами как средствами ее достижения. *Формальная истина* требует не объективных, а формализованных доказательств для ее установления. Так, во времена инквизиции собственное признание обвиняемого — формально самое «главное», «совершенное доказательство»; применялись пытка, доносы. Формализм — это отрыв от объективной реальности.

Для доказывания *вероятной истины* вполне приемлемы всегда вероятностные «фактические презумпции» («доказательственные прецеденты»), которые можно формализовать, создать банк типичных доказательственных прецедентов, ввести в память ЭВМ и выносить автоматические, формализованные решения по делу [7, с. 243—244].

Для «состязательно-выигрышной истины» в состязательном уголовном процессе важно умение «переговорить» в словесном споре противную сторону, убедить суд в своей правоте

[8, с. 12—13]; допустимы и софизмы для победы в споре сторон.

Уголовный процесс с *юридической (процессуальной)* истиной ставит форму, процедуру выше объективной истины. В таком процессе доказательства в большей степени необходимы для формального обоснования, удостоверения искомого тезиса, версий сторон, чем для всестороннего и полного доказывания всех обстоятельств уголовного дела, установления объективной истины.

Неопределенным понятием доказательств как «любых сведений» охватываются не только доказательства как «фактические данные», но и «фактические (естественные) презумпции» (типичные обобщения судебно-следственной практики, опыта) как «доказательственные прецеденты», которые верны вообще для типичных случаев, но по отношению и конкретному деянию они всегда абстрактны, и их нельзя автоматически переносить на конкретный случай, поскольку, как учит диалектическая логика, «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» [9, с. 289—290].

Под неопределенно широкое понятие доказательств как «любых сведений» вполне подпадают и различные «субъективные сведения», не исключая и доносы, которые использовались как доказательства во времена инквизиции и в современности при А. Я. Вышинском, отрицавшем объективную истину в уголовном судопроизводстве; он исходил из «максимальной вероятности» [10, с. 201].

В понятие доказательств как «любых сведений» легко вписываются и «улики поведения» лица, которые можно использовать как обвинительные косвенные улики. Речь идет, как пишет Г. М. Резник, о поведении обвиняемого при проведении различных следственных действий: манера держать себя при допросе, обыске, очной ставке и т. п., в частности реакция на вопросы, отказ от дачи показаний, наличие или отсутствие признаков смущения, волнения, страха, жестикуляция и т. д. [11, с. 109].

По существу, состязательный уголовный процесс исходит из правила: «что не запрещено законом, то разрешено (дозволено)». В

частности, подозреваемому, обвиняемому предоставлено право защищаться всеми не запрещенными законом (УПК РФ) способами и средствами (ч. 2 ст. 16 УПК РФ). Как представляется, это правило в полной мере относится и к понятию доказательств как «любых сведений» в силу неопределенности данного понятия.

На наш взгляд, главный изъян действующего состязательного УПК РФ состоит в том, что он лишен необходимости доказывать объективную истину по уголовным делам. Таким образом, познавательная-доказательственная планка уголовного процесса стала существенно ниже. Теперь каждый имеет право на свою «истину», и вопрос о том, «истину» какой стороны положить в основу судебного решения, разрешается «силой»: кто сильнее, искуснее в состязании, тот и прав, «истина» на стороне сильного, а не правого. Все зависит от самих сторон, их активности, умения, красноречия и т. п.

Если законодатель отказался от объективной истины, то тогда вполне приемлемы в уголовном процессе «вероятная», «формальная», «юридическая», «процессуальная», «судебная», «состязательно-выигрышная», «истина победителя», «прагматически выгодная истина» и т. п. Это «истины» одного и того же порядка.

А. С. Александров, по нашему мнению, дает точную характеристику истины в состязательном уголовном процессе: «Судебная истина является результатом судебного разбирательства, она является вероятным знанием. Это то, что аудитория готова признать за истинное. Судебная истина юридически формальна....» [12, с. 12].

Отказ от объективной истины непременно несет в себе релятивизм — все условно, относительно, ничего абсолютного нет. В результате идеал и критерий объективности утрачен. Тогда законодатель (если обратиться к историческим аналогам) не на стороне Сократа, который отстаивал объективную истину, а на стороне софистов, для которых никаких объективных знаний нет, есть только мнения. Всякое мнение в равной мере истинно и ложно: о каждой вещи можно высказать одновременно разные и, более того,

противоречащие одно другому суждения, причем они будут одинаково убедительны [13, с. 120]. Можно безнравственный поступок представить нравственным, и наоборот, благодаря искусству софистики. Если с помощью доказательств можно доказать что угодно, то доказательства тогда утрачивают свою объективную направленность, свою связь с объективной реальностью и превращаются в субъективные приемы доказывания нужного стороне тезиса, версии.

Отсюда напрашивается вывод, что в состязательном УПК РФ значимость достоверных доказательств и доказывания снижается. Снижается потребность в объективном назначении доказательств, а приобретает значимость их формальная чисто юридическая, достоверительная сторона.

Действительно, объективная истина не может презюмироваться или состязательно выигрываться; она не может быть дана в «готовом виде», например в виде гипотезы, версии, фактической презумпции — она всегда доказывается, требует процесса полновесного доказывания. Гегель отмечал, что истина не есть отчеканенная монета, которую можно в готовом виде положить в карман, истина — это процесс постепенного постижения. Истина есть процесс [14, с. 16].

При отказе от объективной истины неизбежно происходит формализация, презюмирование уголовного процесса, форма торжествует над содержанием. Объективный, исследовательский процесс при этом «свертывается», предпрещается презумпцией.

Например, в гл. 40 УПК РФ предусмотрен особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением — постановление обвинительного приговора без проведения судебного разбирательства, т. е. без процесса доказывания. Вместо достоверного доказывания вины — «сделка о признании вины». Любая фактическая презумпция «свертывает» доказательственный процесс; презюмирование вместо доказывания. Здесь презумпция в том, что «невиновный, как правило, оговаривать себя не станет». В суде проверяется добровольность

признания, а не его «истинность». Тогда возможны самооговоры.

Без объективной истины обнаруживается тенденция к презюмированию в уголовном процессе (в частности, к презюмированию виновности подозреваемого), к «подстановке» единиц готового опытно-презюмированного знания, а не действительное исследование, объективное доказывание. На наш взгляд, подход с позиции презюмирования заложен, в частности, в таком понятии, как «*уголовное преследование*» подозреваемого, обвиняемого в целях изобличения их стороной обвинения в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Ведь «уголовно преследовать» (в отличие от объективного исследования) можно только виновных в преступлении. В результате получаем «*презюмированный*» тип уголовного процесса, ведущий и вероятный (презюмированной, формальной истине), в отличие от «*исследовательского*» типа процесса, ведущего к объективной истине.

Состязательный УПК РФ сконструирован не в пользу объективной истины. Обвинение и защита вне объективной истины не занимаются объективным доказыванием, а просто стремятся опровергнуть позицию друг друга [15, с. 259]. Происходит «*подмена тезиса*». Вместо установления объективной истины — выигрыш дела («правового спора») в состязании сторон; не доказать объективную истину, а юридически формально обосновать, удостоверить, подтвердить соответствующими доказательствами заранее выставленный тезис, версию процессуальной стороны. Однако доказательства должны быть не «выигрышными», а объективными, достоверными. Доказательства по уголовному делу не следует сводить к формально-удостовери-тельному назначению — лишь формально обосновать правдоподобную версию следователя, дознавателя (готовую «версию-истину»). Доказательства, прежде всего, имеют объективно-познавательное значение, на их основе в процессе исследования устанавливается объективная истина.

Истина есть постижение существенного в

конкретном предмете, явлении, деянии. Ведь следователь, суд не просто познают внешнюю сторону какого-то деяния и ограничиваются этим — они должны познать его суть как конкретного преступления или непроступления. Отсюда только в неразрывной связи с объективной истиной, с существенным в вещах, явлениях определенная информация становится доказательством в уголовном процессе, обретает свой подлинный доказательственный смысл. Это обуславливает также и целенаправленный поиск доказательственной информации, и оценку доказательств с точки зрения ее достоверности, относимости, допустимости и достаточности. Доказательственной информация становится лишь в процессе доказывания. Доказательства только тогда настоящие доказательства, когда они соответствуют принципу отражения.

Принцип *отражения* существующего независимо от сознания человека внешнего мира, а не принцип *субъективного усмотрения* (факты именно таковы, как следователь, судья их «видит») [5, с. 291] должен лежать в основе гносеологии (теории познания) научно построенного уголовного процесса.

Список библиографических ссылок

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18.
2. Пашин С. А. Доказательства в российском уголовном процессе // Состязательное правосудие: тр. науч.-практ. лабораторий. М., 1996. Вып. 1. Ч. II.
3. Советский уголовный процесс: учебник / под ред. С. В. Бородина. М., 1982.
4. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе // Советский уголовный процесс: учебник / под ред. С. В. Бородина. М., 1982.
5. Состязательное правосудие: тр. науч.-практ. лабораторий. М., 1996. Вып. 1. Ч. II.
6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 2004.
7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Н. Л. Петрухин. М., 2006.
8. Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42.
10. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М., 1950.
11. Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1977.
12. Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003.
13. Кессиди Ф. Х. Сократ. Ростов н /Д, 1999.
14. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М., 1975.
15. Печников Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе. Волгоград, 2007.